

ПОИСК ИСТИНЫ В РИЗОМОРФНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БИБЛИОТЕКИ-ЛАБИРИНТА У. ЭКО

О.А. Барма

Движим был единственной страстью – к истине,
и страдал от единственного опасения – что
истина не то, чем кажется в данный миг.
Умберто Эко

Образ библиотеки как ризоморфного лабиринта в романе «Имя розы» создан У. Эко в рамках постмодернистской концепции философского миропонимания и мировосприятия, прежде всего самого автора и его интеллектуального предшественника, мысленного оппонента и духовного учителя Х.Л. Борхеса. При этом библиотека в романе воспринимается одновременно как физический лабиринт, архитектура которого обуславливается собственным законом построения – децентрации, ликвидирующей привилегию центра в пользу равноправного существования многих «центров», ризоморфности – обладающей имманентным (внутренне присущим) потенциалом самоорганизации, и как духовный лабиринт (лабиринт человеческого познания и догадок), функционирующий по принципу эклектичности, позволяющий использовать одновременно самые разные идеи и явления для поиска истины. Особенность аббатской библиотеки как духовного лабиринта человеческого познания и догадки является поиск истины и ее постижения через выстроенную героями романа парадигму личностных знаний.

Философские системы, существовавшие до середины XX столетия, претендовали на репрезентацию истины и на ее единство. Именно против этой монополизации права на истину протестует постмодернистская философия и У. Эко – как яркий представитель философии постмодернизма. По мнению И.С. Скоропановой, постмодернисты стремятся показать реальную многоликость истины, множественность ее смыслов, не сводимых к какому-либо одному центрирующему знаменателю, ее текучесть, открытость [1, с.42-43]. Истина, как пишет М. Мерло-Понти – это «интеллектуальная ризома, сеть значащих интенций, плюралистическая центростремительная центробежность» [1, с.67].

Поиск истины в романе У. Эко начинается не с первых страниц романа, как это принято в классическом произведении, а с авторского предисловия к нему: «Разумеется рукопись», где У. Эко дается предыстория самого повествования, авторское отношение к первоисточнику (рукописи) и установления его авторства. Как справедливо отметил В.Я. Бахмутский: «Слова летописца – бенедиктинского монаха Адсона – пропущено в романе еще через две другие нарративные инстанции: через повествование историка бенедиктинского ордена Ж. Мабийона и его мифического французского переводчика аббата Балле» [2, с.234], что позволяет У. Эко использовать свои профессиональные знания медиевиста и семиотика для сокрытия от читателя

(возможно для популяризации интереса к роману) истинности написания и/или бытования рукописи.

В центре романа У. Эко «Имя розы» монастырская библиотека ордена бенедиктинцев XV века. В первой беседе с аббатом библиотека обозначается как нечто таинственное и священное, куда никому не может быть доступа: «Библиотека ... непроницаема, как истина, которую хранит в себе, коварна, как ложь, в ней заточенная. Войдя (как в прямом смысле, так и в переносном – текст мой О.Б.), вы можете не выйти» [3,с.47]. Доступ в библиотеку ограничен, как ограничено и право использования ее ресурсов: «И лишь библиотекарь, понимающий смысл расстановки томов, по степени доступности данной книги может судить, что она содержит — тайну, истину или ложь. Он единолично решает, когда и как предоставить книгу тому, кто ее затребовал, и предоставить ли вообще. Иногда он советуется со мной. Ибо не всякая истина — не всякому уху предназначается, и не всякая ложь может быть распознана доверчивой душой» [3, с.46]. Справедливо изречение по этому поводу Адсона: «Значит, библиотеки не распространяют истину, а замедляют ее продвижение?» [3,с.337]. Недоступность внутреннего пространства библиотеки является основным мотивом, побуждающим обитателей аббатства к постижению ее физического и духовного пространства.

Основой романа и его интеллектуальным стержнем является поединок Хорхе и Вильгельма за обладание знаниями, ведущими к истине. Хорхе прячет знания, Вильгельм стремится их отыскать и вынести за пределы стен аббатства. Вильгельм и Хорхе персонифицируют две противоположные ориентации: поиск знания ради истины и сокрытие знаний ради недопущения распространения истины. Но для каждого из них истина имеет свое очертание и свою ценность.

Концепция истины, излагаемая Хорхе, исходит из его профессионального рода деятельности и его религиозной догматики и сводится к тому, что знания являются формой консервации и сокрытия истины: «...наш вид работы ...сводится к учению и к охране знаний. К охране, говорю я, а не к разысканию. Ибо знание, в силу своей божественности, полновесно и совершенно даже в самых началах, оно совершенно полно уже в истоке — в божественном Слове, которое высказывается само через себя. Охрана, говорю я, а не разыскание. Ибо знание, в силу своей человечности, целиком определилось и целиком исполнилось смысла уже в те столетия, которые протекли от проповеди пророков до толкований отцов церкви. ...знание не нуждается в прибавлении; самое большее – в возвышенном, неустанном пересказывании» [3, с.477].

Для Хорхе истина не есть знание с бесконечно заданной и неисчерпаемой перспективой. Истина не безгранична, по крайней мере, она не является таковой для неподготовленного человека. Хоть истина и необходима для человека, полагает Хорхе, но должна быть ограничена кругом его знаний, установленным авторитетными богословскими работами,

признанными каноническими. Поиск истины за границами знания лишь дискредитируют их и потому являются вредными и даже опасными для непосвященных: «Простецы интуитивно улавливают собственную истину — возможно, даже и более истинную, нежели истина докторов церкви, — но вслед за этим довольно часто разбазаривают свое знание в нерассудительных поступках» [3,с.237]. Примером и воплощением подобной опасности для самого Хорхе и для всего средневекового религиозного мира, является вторая часть «Поэтики» Аристотеля, посвященная феномену смеха. Опасность данной книги, по мнению Хорхе, воплощается в том, что Аристотель без колебаний критикует устоявшиеся истины и не считается ни с какими авторитетными умами.

Совершенно иной точки зрения придерживается Вильгельм. По его мнению, знания непосредственно стимулируют к дальнейшему накоплению знаний, к поиску новых истин, смысл которых не ограничивается установленными религиозными догмами, а сами знания являются безграничными и неисчерпаемыми. Для Вильгельма истина оказывается вариативной, каждая из версий корректирует другие версии истины, ее целостность. Как правильно заметил Адсон: «Вильгельма вообще не интересует истина, которая всегда состоит в единственном тождестве между предметом и понятием. Он же хотел развлекаться, воображая столько возможностей, сколько возможно» [3,с.361]. Надежда овладеть всей полнотой истины, доказывает Вильгельм, иллюзорна: истина множественна, неисчерпаема, бездонна. В свое доказательство Вильгельм ссылается на Аристотеля, но уже как на авторитета и примера для интеллектуального подражания. По мнению Вильгельма, Хорхе и его истина – «...это высокомерие духа. Это верование без улыбки. Это истина, никогда не подвергающаяся сомнению» [3,с.567].

Необходимо отметить, что Вильгельм демонстрирует свой метод продвижения к проблематичной истине через последовательность заведомых ошибок: «...важна не сама Истина, но сам ее поиск, процесс раскрытия некоей великой тайны...» [3,с.478].

Кульминацией романа поиска истины могут быть слова У. Эко, произнесенные устами Вильгельма и адресованные даже не к Адсону, а к его интеллектуальному собеседнику: «Должно быть, обязанность всякого, кто любит людей, – учить смеяться над истиной, учить смеяться саму истину, так как единственная твердая истина – что надо освободиться от нездоровой страсти к истине» [3,с.585]. Но в то же время: «...дело уже не в истине, которая делает свободным, а в непозволительной свободе, которая хочет сойти за истину» [3,с.426], что не является абсолютным правом: «Бойся, Адсон, пророков и тех, кто расположен отдать жизнь за истину» [3,с.585].

Процесс поиска истины в ризоморфном пространстве библиотеки и обладание истиной через текст таинственной книги (вторая часть «Поэтики» Аристотеля), несет собой имплицитное представление о множественности истины, которую невозможно исчерпать, именно поэтому за истину можно принять и догмы Хорхе и научные воззрения Вильгельма, т.к. автор

предлагает осмысливать истину как единую по сути, но множественную по форме своего выражения.

Другая истина. Другой образ истины[3,с.334].

Литература

1. Скоропанова, И.С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык / И.С. Скоропанова. – Изд. второе, доп. – Санкт-Петербург: Невский Простор, 2002.
2. Бахмутский, В.Я. Пороги культуры : [сборник] / В.Я. Бахмутский. – Москва: Гелеос, 2005.
3. Эко, У. Имя розы / У. Эко; [предисл. У. Эко, послесл.: Е. Костюкович, Ю. Лотмана]. – СПб.: Симпозиум, 1998.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ